

Обустройство России: вызовы и риски

Михаил ГОРШКОВ

РОССИЙСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ*

В статье анализируется проблема идентичности современного государства в условиях глобализации и необходимости интеграции в единое международное экономическое и политическое пространство. Рассматриваются основные варианты пути самоопределения России.

The problem of identity of a modern state in conditions of globalization and necessity of integration into common international economic and political space is analyzed in the article. Main versions of the ways of Russia's self-determination are considered.

Ключевые слова:

идентичность, кризис идентичности, культура, глобализация, интеграция, мировое сообщество; identity, crisis of identity, culture, globalization, integration, world community.

В современных условиях, отмеченных процессами глобализации, особое значение в качестве универсального показателя состояния общества приобретает общенациональная идентичность. Представляя, по сути, процесс всеобъемлющей интеграции и столь же масштабной дифференциации, глобализация создает невиданные ранее возможности для сближения культур, расширения коммуникативного пространства, обогащения образа жизни людей новыми знаниями, технологиями, идеями. Вместе с тем глобализация порождает множество серьезных проблем и деструктивных тенденций. Одна из них, наряду с культурным хаосом, утратой привычных жизненных ориентиров, — тенденция, определяемая как кризис идентичности.

Двойственность и неоднозначность практик глобализации, затрагивающих не только внешний каркас социальных отношений, но и внутренний мир человека, усиливают потребность в определении им собственной национально-культурной принадлежности. Такая потребность, как и отмеченные выше тенденции кризиса идентичности, имеют глобальный характер. По этому поводу С. Хантингтон замечает: «...проблема американской идентичности уникальна, но Америка не уникальна в том, что... имеет эту проблему. Почти повсюду люди вопрошают, переосмысляют и переопределяют то, что у них общего и что отличает их от других людей...»¹ Вместе с тем в каждом обществе и каждой отдельно взятой стране их проявления специфичны и вызывают различные социальные последствия. Вот и Россия не уникальна в том, что несет в себе проблему идентичности. Как и повсюду, россияне переосмысливают, сопоставляют себя и окружающий мир, пытаются понять общее и особенное в своих идентификационных характеристиках.

Несмотря на всю дискуссионность вопроса о степени интеграции России в процессы глобализации, проблемы трансформации идентичности российского общества в условиях глобального мира приобретают все большую актуальность и значимость. Именно с ними, а точнее, с их решением связываются сегодня прогнозы дальнейшего развития страны, ее способность отвечать на многочисленные вызовы современного мира, осуществлять полноценную культурную, экономическую, социальную и политическую модернизацию. От того, какие образы идентичности будут доминирующими, зависит будущее России.

* В основе статьи — доклад на пленарном заседании VI Всероссийского политологического конгресса в Москве. 22 ноября 2012 г.

¹ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Политические исследования, 1994, № 1, с. 35.

ГОРШКОВ

Михаил

Константинович —

академик

РАН, директор

Института

социологии РАН

нирывать в массовом сознании, что будут представлять собой важнейшие референтные группы самоидентификации, во многом зависят перспективы становления в России структур гражданского общества, эффективность функционирования политических институтов, характер механизмов представительства интересов и политического участия, а в конечном счете – социальный климат общества. Немаловажно и то, что представления людей о самих себе, собственном месте в мире и о «других» непосредственно влияют на формирование политической и социокультурной ориентации, опосредующей массовое восприятие места и роли России в современном мире, отношение населения к странам Запада, западным институтам и ценностям.

На глобальном уровне сохранение российской идентичности способствует успешному интегрированию России в мировое сообщество и ее позиционированию на международной арене. На личностном же – утверждении жизненных ориентиров, формированию чувства защищенности в рамках «своего» общества, подавлению тревоги и фрустрации, что особенно значимо для той доли российских граждан, которые испытывают чувства тревоги, озабоченности нынешним состоянием страны, ощущают собственную беспомощность и невозможность повлиять на происходящее вокруг. И это не случайно, ибо только при условии прочной национальной солидарности, ощущения самоидентификации, имея возможность отнести себя к какой-то системе, направляющей его жизнь и придающей ей смысл, человек не рискует остаться в одиночестве перед натиском бури глобализации и потеряться в ней. В противном случае, утрачивая свои идентификационные качества, человек «теряет себя», поскольку идентичность есть основа онтологической безопасности и непрерывности его бытия. Человеку нужна идентичность, как «для всякого плода нужна своя почва, свой климат, свое воспитание» (Ф.М. Достоевский).

Многочисленные исследования разных лет убедительно доказали, что формирование российской идентичности не является линейным процессом. Оно осуществляется в сложном противоречивом контексте культурно-цивилизационных взаимодействий, динамичных социально-экономических преобразований, распада

многонационального государства и обусловленной им необходимости привыкания к новым границам и территориальным очертаниям, обновленной идеологической системе координат и деформировавшемуся образу «мы», встраивания в новую систему отношений, освоения новых социальных смыслов и значений, переосмысления этнического состава населения, политического устройства, рождающихся и отмирающих ценностей, изменяющейся структуры общества. Немалое влияние на становление российской идентичности, особенно в 90-е гг. прошлого столетия, оказывали и внешняя среда, и конфликт и конвергенция культур, и взрыв этничности, и национальные движения, и тенденции суверенизации республик, и сепаратизм регионов. Все это предопределяло «многообразие жизненного мира, в котором происходила, с одной стороны, индивидуализация идентичностей людей, а с другой – росла потребность в пространстве, где тебя понимают и разделяют какие-то интересы, усиливалась важность больших, воображаемых сообществ – областного, республиканского, государственного, гражданского, политической нации»¹.

Вместе с тем следует признать, что, несмотря на обилие исследований, в вопросах, касающихся модели и механизмов утверждения национальной идентичности как одной из основ российской государственности, царит путаница, сопровождаемая поверхностными и конфликтными дебатами и несущая серьезные риски для общества и государства. Более того, в России национализм и нациестроительство изучаются слабо и используют старые подходы. Именно в этом и заключается одна из причин существования, как минимум, трех разных взглядов на общество и государство, согласно которым Россия воспринимается сегодня как:

- 1) многонациональное (и этим радикально отличающееся от остальных стран мира) государство;
- 2) национальное государство русской нации с меньшинствами, члены которых могут становиться русскими или же признать государствообразующий статус русских;
- 3) национальное государство с многоэт-

¹ Дробижева Л.М. Процессы гражданской интеграции в полиэтничном российском обществе // Общественные науки и современность, 2008, № 2.

ничной российской нацией, основу которой составляют русская культура и язык и в которую входят представители других российских национальностей (народов).

Другим негативным последствием происходящего можно считать тот факт, что, рассуждая на тему национально-гражданской общности в контексте практик бытования современного российского общества, многие представители научного сообщества, политическая элита, СМИ склонны воспринимать ее как некий практически недостижимый идеал. Подобный скепсис не лишен оснований и подтверждается актуальными ссылками на разного рода негативные тенденции: нарастание этнонационалистических настроений, популярность великодержавно-шовинистических концепций, усиление социально-классовой розни, выступающие как часть современной российской реальности.

Вместе с тем все более очевидными становятся и тенденции, противоположные отмеченной выше. Они связаны с процессом постепенной гражданской интеграции полиэтнического российского общества, распространением практик употребления понятия «нация» не в традиционном этнокультурном смысле, а в значении государственной, гражданской общности — «политической нации». Это находит выражение в употреблении таких определений, как «российская нация», «граждане России», «мы как нация», «мы — народ России» и т.п.

Представление о России как об уникальной цивилизации, соединяющей в себе европейские и азиатские начала, одной из характеристик которой является мирное содружество множества национальностей и религий, при котором ни одна из них не ущемляется и не вводится в стандартизованные культурные и цивилизационные рамки, понимание российского народа как исторического целого и гражданской нации высказывались неоднократно, в т.ч. и президентом РФ В.В. Путиным. Эта формула была позитивно воспринята многими интеллектуалами и политиками как единственно возможная для России и полностью отвечающая накопленному мировым сообществом опыту существования крупных многоэтнических государств, а также идеологии государственного (гражданского) национализма.

Учитывая подобную многоаспектность подхода к интерпретации современной идентичности россиян, можно утверждать: она представляет собой «сложный конгломерат новой российской, ностальгической советской, социальной, региональной, локальной, этнокультурной, религиозной идентичностей. Естественно, все политические, социально-культурные, экономические трансформации общества находят отражение в государственно-гражданской идентичности, поэтому по изменениям в ней судят о направлениях в развитии социума, но и она сама, ее характер, масштабность, интенсивность способствует ориентации и мобилизации людей, становится социальным ресурсом в общественном развитии»¹.

Особую актуальность социолого-политический анализ российской идентичности приобретает в контексте европейской культуры, а сказать шире, — в контексте западноевропейской идентичности. При этом западную идентичность вполне уместно представить в виде некой коллективной мечты, которая существует в двух основных и невольно конкурирующих между собой вариантах — европейском и американском. Американская мечта — это в основе своей мечта об индивидуальном материальном успехе. В конечном счете она сводится к тому, что любой энергичный и «ответственный» индивид может преуспеть, если будет много работать и проявлять изобретательность, рассчитывая при этом исключительно на самого себя. Все это, однако, не слишком согласуется с умонастроениями россиян, связывающих свои надежды на лучшую жизнь, прежде всего, с «соборным» государственным целеполаганием. Такое целеполагание ориентировано не на интересы отдельных социальных групп и слоев и даже не на их согласование, а на общенародные задачи и цели. В подтверждение сошлемся на то, что около 60% россиян соглашаются с тем, что государство должно отстаивать интересы всего народа перед интересами отдельных людей.

В свою очередь, мечта, воплотившаяся ныне в проекте «Единая Европа», носит солидаристский характер и основана на модели позитивного взаимодействия человека с другими людьми и природой. Если американская мечта подчеркивает

¹ Там же.

экономический рост, личное богатство и независимость, то европейская делает акцент на устойчивом развитии, качестве жизни и диалоге как средстве совместного решения общих проблем.

Европейские идеалы, безусловно, для многих наших сограждан весьма привлекательны. Однако и они не полностью совпадают с устремлениями и надеждами россиян. Прежде всего, это можно объяснить тем, что в России довольно низок потенциал субсидиарности: так, по данным исследований последних лет, лишь 9% респондентов ощущают чувство общности с людьми, живущими в том же населенном пункте, в той же местности.

Еще одно различие — это твердая приверженность россиян идее «органической» общности в рамках национального государства. Как показывают результаты исследований, наши сограждане не слишком стремятся к межгосударственным объединениям, и если отдают в этом вопросе кому-либо предпочтение, то только близким им по культуре странам СНГ (Беларуси, Украине и Казахстану). Не случайно россияне с самого начала не были расположены к насаждавшейся в свое время в Европе идеологии мультикультурализма, воспринимали ее как утопическую и благодушно-наивную, мало согласующуюся с жесткими реалиями полиэтничного евразийского пространства.

Своеобразие российской идентичности во многом связано и с тем, что россияне — гораздо большие индивидуалисты, чем европейцы. Причем в этом они в известном смысле сближаются с американцами, хотя российский индивидуализм характеризуется несколько иной психологической природой и иным оттенком повседневности (имеется в виду то, что в России называют безразличием). Достаточно сослаться на то, что при ответе на вопрос, хотят ли россияне быть полезными для общества, или они предпочитают просто жить, как им хочется, мнения наших сограждан разделились почти поровну: 52% против 47%.

Социальный мир современного россиянина — это замкнутый на себя «малый мир» его семьи и друзей, в несколько меньшей степени — коллег по работе. Именно к этому малому миру он ощущает наибольшую привязанность. Заметную роль играет также взаимопонимание на

почве общего жизненного опыта: более трети наших сограждан отмечают эмоциональную связь с представителями своего поколения.

Следует особо сказать о том, что «российская идентичность» принципиально расходится с западноевропейской культурой в понимании свободы. И это при том, что свобода — одна из главных российских ценностей. Две трети наших сограждан считают, что свобода — это то, без чего жизнь теряет свой смысл. Только треть соглашается с тем, что свобода второстепенна и ставят выше нее материальное благополучие. Причем данный результат повторяется от исследования к исследованию на протяжении всех 20 лет реформ. Однако быть свободным для человека русской культуры — совсем не то же, что, например, для американца, немца или француза. Свобода в русском ее понимании — это не возможность реализации определенных прав (соотнесенных в то же время и с известными обязанностями), а возможность «быть самому себе хозяином». По сути — это не что иное, как воспетая в отечественной истории русская «воля», которая может выражать себя в самых разных формах, в т.ч. в парадоксальных и непредсказуемых.

Как показывают результаты исследований ИС РАН, в настоящее время свыше половины граждан страны считают, что индивидуализм и либерализм западного типа России не подходят, для нее важны чувство общности и жестко управляемое государство. Но есть немало и тех (а это немногим менее половины граждан), кто с такой постановкой вопроса не согласен. При этом антизападные умонастроения не следует воспринимать как удел депрессивных поселков и сел. Как ни парадоксально это выглядит с позиций классической политической теории, подобные умонастроения в такой же или даже в еще большей степени разделяет и население обоих мегаполисов — Москвы и Санкт-Петербурга.

К этому надо добавить, что характер российского западничества за последние 20 лет несколько изменился. С одной стороны, значительная часть россиян воспринимает западные ценности в целом позитивно. Однако, с другой — это не означает, что они безоговорочно поддерживают широко распространившееся в России на заре демократических реформ

стремление к интеграции с западным миром. В сегодняшней России стремление к сближению с Западом, как и мечта об «общеввропейском доме», характерны для 10-процентного меньшинства. А реальное чувство общности с европейцами проявляет и вовсе малозначимая часть социально активного и трудоспособного населения страны – всего 2%.

Охлаждение россиян к Европе, образ которой еще недавно тесно сопрягался в их сознании с мечтой о достойной и комфортной жизни, обусловлено многими причинами. Это и подтверждаемое массовыми опросами растущее недоверие к политике отдельных европейских государств и Евросоюза в целом, и недостаточная интегрированность россиян в культурно-информационное поле Европы, затрагивающая как взрослое, так и молодое поколение. Это и частичная психологическая несовместимость ряда базовых ментальных характеристик. По крайней мере, россияне находят у себя мало черт, которые, по их мнению, присущи представителям народов, в совокупности составляющих население «Запада».

Сегодня внимательный наблюдатель без особого труда заметит, что психологическую атмосферу российской общественно-политической жизни во все возрастающей степени определяют крепнущее чувство самостоятельности, растущая уверенность в себе, сопровождаемые стремлением дистанцироваться от Запада. Однако индикаторы, характеризующие именно российскую идентичность в ее отношениях к Западу и Востоку, как это ни странно, сдвинулись в прямо противоположном направлении. Так, доля населения, считающего, что современная российская экономика приобрела «западные» черты, увеличилась по сравнению с концом 1990-х гг. более чем в 2 раза (с 17% до 36%). В то же время процент тех, у кого народное хозяйство России по-прежнему ассоциируется с Востоком, в такой же пропорции сократился и ныне составляет не более пятой части трудоспособного населения страны.

Но если динамику оценок экономики можно объяснить рационально, то полученные данные, касающиеся национального характера, оказались достаточно неожиданными. В самом деле, всего лишь 10 лет назад более половины россиян видели себя на приблизительно равном удалении от американцев, англичан, французов,

с одной стороны, и китайцев, индийцев, японцев – с другой. А ныне – бóльшая схожесть национального характера россиян, исходя из их самооценки, оказалась смещенной в сторону западноевропейского сообщества.

Чем вызвана эта, на первый взгляд, совершенно «нелогичная» тенденция, идущая вразрез с мейнстримом российской политической жизни? Наверное, единственным разумным объяснением было бы то, что в действительности подобная тенденция сформировалась вовсе не вопреки, а скорее благодаря той переоценке Запада, которая произошла в российском обществе в первом десятилетии нынешнего столетия. Определившись со своими целями и интересами и более отчетливо осознав собственную самостоятельность, российское общество просто утратило психологическую потребность в том, можно сказать, «надрывном» антизападничестве, которая имела место в прежние годы. В результате многие оценки и самооценки стали более объективными, утратив эмоциональный накал, обычно присущий борьбе за самоутверждение. В такой ситуации психологически легче признать в себе какие-то «западные» черты без риска утратить собственную идентичность. Следует учитывать и тот факт, что Европа выступает в политическом мышлении наших сограждан как бы в двух ипостасях – «западной» и «собственно европейской». Из чего, в частности, вытекает, что недоверие к ней как *Zanady* может уравновешиваться тяготением к ней именно как к *Evrope*.

Вопрос об отношениях с Европой (и одновременно об отношении к Европе) не только имеет сугубо прагматический смысл, но и глубоко укоренен в проблематике российской идентичности. Чем это объясняется? Ответ на этот вопрос во многом подсказывает анализ мнений российских граждан по поводу того, какими мотивами руководствуются развитые европейские государства в своих отношениях с Россией. В настоящее время лишь около четверти наших сограждан придерживаются той точки зрения, что европейские страны заинтересованы в преодолении Россией накопившихся социально-экономических проблем. Еще меньшее число (приблизительно один человек из пяти) соглашается с тем, что европейцы стремятся к всестороннему и равноправному сотрудничеству с Россией. А вот

довольно большое число россиян убеждены в совершенно обратном: около 1/2 из них полагают, что Европа видит в усилении России угрозу и потому не желает ее действительного подъема, а почти 2/3 убеждены в том, что ее интерес к России ограничивается исключительно природными ресурсами.

Что же касается факторов, сдерживающих взаимное сближение, то среди основных из них россияне называют стремление Евросоюза навязывать России свое понимание демократии, а также нарастающие угрозы со стороны НАТО. Отмечается и нежелание Евросоюза допускать российский бизнес на свои рынки, и стремление Запада переписать историю Второй мировой войны, поставить под сомнение решающий вклад СССР в победу над фашизмом.

В контексте рассматриваемой проблемы, обозначенной в докладе, уместно поставить и такие вопросы: насколько «европейскими» являются культурные интересы россиян? Насколько интенсивны их культурно-информационные связи с Европой? В какой степени политический диалог России с Европейским сообществом подкрепляется культурной практикой «среднестатистического» российского гражданина?

Данные исследований ИС РАН позволяют утверждать, что основным источником информации о жизни европейских стран и их культуре для россиян являются кино и телевидение, в меньшей степени — книги. Причем за последние 5 лет все эти три информационных потока заметно сократились. И хотя это снижение отчасти компенсировал Интернет, однако действительно значимым источником сведений о Европе он стал только для молодежи. Непосредственные личные впечатления имеют довольно ограниченное распространение. Это связано с тем, что при общем росте числа россиян, бывающих за рубежом, предпочтение ими отдается не познавательным турам по крупным городам Европы, а сугубо «пляжному» отдыху на курортах Турции или Египта. Более

широко циркулирует опосредованная информация, почерпнутая от знакомых, но и она доходит лишь до одного человека из шести. К тому же подобная информация касается в основном бытовых вопросов и не имеет специфического достоинства живой наглядности.

Что же думают россияне по поводу перспективы интеграции России и Европы в лице Евросоюза? В начале нулевых годов число «еврооптимистов», связывающих будущее России с ее вступлением в объединенную Европу, заметно превышало число не видевших в этом особого смысла «евроскептиков» (42% и 30% соответственно). К настоящему моменту картина заметно изменилась: противники объединения с Евросоюзом составляют около 50%, в то время как доля «еврооптимистов» упала до 30% россиян.

Означают ли приведенные данные, что россияне в большинстве своем являются откровенными противниками сближения России и Европы? Нет, не означают, даже при том, что психология и культура российского общества, а также конкретная внешнеполитическая ситуация накладывают на этот процесс целый ряд условий ограничительного характера. В отличие от какой-либо другой внешнеполитической ориентации, подобный процесс не вносит в российское общество нежелательной психологической напряженности и не провоцирует в нем значительных духовных расколов. Образно выражаясь, осуществление разумной стратегии сближения с Европой не потребовало бы от россиян «переступить через самих себя». И это само по себе достаточно важно. В конечном счете, «европейский путь» может быть без особого внутреннего сопротивления (хотя и с определенными оговорками) принят всеми основными социально-демографическими группами и слоями населения (конечно, при условии, что движение по данному пути не принесет россиянам очевидных и болезненных разочарований). А это уже зависит не только от России, но и от ее партнеров.